

Самым важным правилом для властного генерального директора было никогда не улыбаться никому, кроме главной героини.

— Ты знаешь, где сейчас находится последний человек, который видел мою улыбку?

— Ммм? Где?

— В больнице.

Ли Шиан слегка вздрогнул и притворно испуганно спросил:

— Ты не собираешься из-за этого нанять кого-нибудь, чтобы меня избили, правда?

Гу Сяотянь понял, что тот воспринимает его слова как шутку.

Ладно, неважно. У каждого своя судьба. Гу Сяотянь больше не стал обращать на него внимания и с холодным выражением лица вошел в раздевалку.

Раздевалка на поле в клубе семьи Линь была оборудована отдельной душевой. Хотя удобства здесь были скромнее, чем в отеле, она легко вмещала десять человек.

Стоя под душем и глядя на мозаичную плитку на стене, Гу Сяотянь не мог выкинуть из головы образ номер десять. Тот бежал, прыгал, сталкивался с различными неожиданностями — все эти картины спутались в его сознании, словно клубок ниток, который невозможно ни разрезать, ни распутать.

— Черт! — с досадой схватился за волосы, затем, словно потеряв все силы, прислонился к стене.

Он не хотел признавать свою слабость, но даже после множества подобных ситуаций он все равно чувствовал вину.

Это был не NPC из игры, не фон в телесериале, а живой человек из плоти и крови.

Приближающаяся беда — никто не знал, что произойдет. Возможно, этот молодой парень больше никогда не сможет играть в баскетбол так, как сегодня.

...

Прошло уже почти полчаса, а Гу Сяотянь все еще не вышел из душевой.

— Чуань-гэ, может, ты зайдешь и спросишь, когда Гу Шао выйдет?

С тех пор как они ушли из школы, они не обедали, и теперь несколько парней уже буквально голодны до изнеможения. Их и так небольшая терпеливость уже на исходе.

— Чего торопиться? Я закажу десерт, чтобы вы попробовали местные макаруны. Лучше их нигде не найти.

— Это правда! Вы знаете нашего дядю Линь — он строг с сыновьями и балует дочерей. Поскольку Маньнин любит макаруны, он специально нанял кондитера из-за границы, чтобы делать их. Вкус просто потрясающий!

— Хватит говорить, посмотрите на Шиана, у него уже слюнки текут.

— Ха-ха-ха, я помню, как Ли Шиан на днях клятвенно заявлял, что бросает сахар. Не ешь потом!

Ли Шиан был честным парнем, который не врал.

— Сегодня утром я ел шоколад.

Гэн Цзе с разочарованием хлопнул его по плечу:

— Зубная боль — это не болезнь, но когда болит, это настоящий кошмар. Ты забыл, как это было?

— По-моему, тебе просто стоит вырвать этот больной зуб. Лучше короткая боль, чем длительная.

Ли Шиан поднял руку, чтобы потереть правую щеку, слегка нахмурившись.

— Немного болит, не хочу удалять.

— Тогда удали, когда перестанет болеть.

— Если не болит, зачем удалять?

...

Изыщные десерты быстро были поданы.

Увидев сладости, Ли Шиан мгновенно забыл о зубной боли, засунув весь макарун в рот. Его щеки раздулись, глаза сузились до щелочек, и он выглядел как простой, наивный парень.

Гу Сяотянь почувствовал себя еще хуже.

Никто не заметил, как Гу Сяотянь вышел из раздевалки. Все обсуждали любовь Ли Шиана к сладкому.

— Иии — тебе совсем не противно?

— Странно, что он не толстеет. Посмотри на мой живот, он сразу выпирает.

— Ха-ха-ха, девчонки в школе, увидев тебя таким, наверное, разочаруются.

— Не может быть, они просто сочтут тебя милым и симпатичным. Блиин — я уже понял этих девчонок.

Ли Шиан, продолжая есть десерт, слушал их разговоры, украдкой поглядывая на Гу Сяотяня, стоящего неподалеку.

Его волосы еще не высохли, мокрые пряди спадали на лоб, капли воды скатывались по бровям, ресницам и кончику носа, делая его и без того изысканное лицо еще более нежным и гладким, словно лепестки цветка гардении, покрытые легкой дымкой. Однако его внешность была более насыщенной, чем чистая и изящная гардения, напоминая персонажей с портретов европейских дворцов — смелые, но реалистичные цвета, четко очерченные ресницы, глубокие черные зрачки, алые губы и даже щеки и кончик носа, слегка розовые от остаточного тепла. Он был благородным и меланхоличным, словно маленький принц, возведенный на трон, но

жаждущий свободы.

И этот маленький принц сейчас смотрел на него.

Ли Шиан невольно поймал его взгляд, но не смутился и не запаниковал, лишь улыбнулся и помахал рукой Гу Шао.

Заметив его жест, богатые парни тут же повернулись, мгновенно забыв о своем нетерпении.

— Тянь-гэ, ты помылся?

— Мы едим десерты, хочешь попробовать?

— Эти макарены просто восхитительны!

Гу Сяотянь отказался от их настойчивых предложений, ведь властные мужчины не едят сладости.

— Куда хотите пойти поесть?

С его слов девять парней, словно стайка цыплят, начали шумно обсуждать.

— Я знаю один ресторан, там лобстеры привозят прямо из Австралии.

— Мне не нравится ходить в такие места, скучно.

— Тогда куда?

— Может, в ресторан Хуа Хэ?

— Черт, ты прямо бизнесмен, зовешь нас к себе!

— А может, на барбекю? На пляж, на открытый воздух. Если поедем сейчас, то к шести вечера как раз успеем, когда солнце начнет садиться, будет прохладно.

— Хорошая идея, но ехать больше двух часов...

Обсудив, все посмотрели на Гу Сяотяня. Путь был довольно долгим, возможно, придется переночевать на пляже, и они боялись, что он не захочет ехать.

— Как скажете.

...

Разгар лета, два часа дня, безоблачное небо, солнце палило нещадно.

Гу Сяотянь вышел из клуба, и водитель в черном костюме и белых перчатках успел подбежать раньше, чем солнечные лучи. Он держал зонтик, тщательно укрывая Гу Сяотяня.

Ли Шиан ахнул, подумав, что неудивительно, что он такой белый — богатые люди буквально «не видят солнца».

Богатые парни тоже так думали. По сравнению с Гу Сяотянем их жизнь казалась грубой.

Линь Байчуань, повидавший многое, был спокойнее. Он торопил:

— Быстрее садитесь в машины, не теряйте времени. Дачэн, не забудь позвонить и заказать, чтобы все подготовили.

— Понял!

На площади перед клубом стояли восемь разноцветных спорткаров, ярче радуги. По отдельности они выглядели круто, но собранные вместе создавали впечатление нелепой «матрасной» культуры, выделяя черный Бентли, который выглядел скромно, но с изысканной роскошью.

Ли Шиан вздохнул, обращаясь к Линь Байчуаню:

— Чуань-гэ, я впервые подумал, что твоя машина некрасивая.

Эти слова задели Линь Байчуаня, и он, покраснев от злости, ответил:

— Если не нравится, не садись! Поезжай на такси!

— Нет-нет...

Прежде чем Ли Шиан успел сказать что-то льстивое, раздался чистый, как горный ручей, голос:

— Садись ко мне.

Линь Байчуань остолбенел, медленно повернул голову и уставился на Гу Сяотяня, не веря своим ушам.

— Тянь-гэ... ты разрешаешь Шиану сесть в твою машину?

Шиан?

Гу Сяотянь слегка нахмурился, почувствовав, что это имя кажется знакомым.

— Ммм.

В голове Линь Байчуаня пронеслось тысяча «чертей». Он не мог понять, как Ли Шиан удостоился внимания этого господина Гу.

Да и черт с ним! Это же хорошо!

Очнувшись, Линь Байчуань тут же сказал:

— Ладно, тебе повезло, не придется ехать на такси.

Так Ли Шиан неожиданно оказался в том самом Бентли.

— Тянь-гэ...

— Не разговаривай.

...

Главный герой не умрет. Это называется «аурой главного героя».

Гу Сяотянь позволил ему сесть в свою машину, чтобы с ним не случилось ничего плохого по пути на пляж. По крайней мере... не на его глазах.

Однако имя Шиан действительно казалось знакомым.

— Как тебя зовут?

— А? Меня? Ли Шиан.

!!!

Вот черт!

Неудивительно, что это имя кажется знакомым! Это же младший сводный брат главной героини!

В романе «Избалованная невеста: Генеральный директор только для меня» главная героиня Ли Чэньси — это чистая белая лилия, расцветающая в грязи, а грязью было ее трагическое прошлое и окружающие ее подонки.

Авторское примечание: Я должен заранее предупредить, что младший брат — не милый малыш, не стройте о нем слишком много иллюзий!

[В романе главная героиня — воплощение доброты и красоты, но я никогда не думал искать ее для совместных развлечений. Это моя последняя гордость.]

<http://bllate.org/book/16197/1453340>